

Этот номер
„Крокодила“
выходит в
4 изданиях:
основное, мо-
сковское, ле-
нинградское,
урало-сibir-
ское

КРОКОДИЛ

Цена 50 коп.

№

25-26

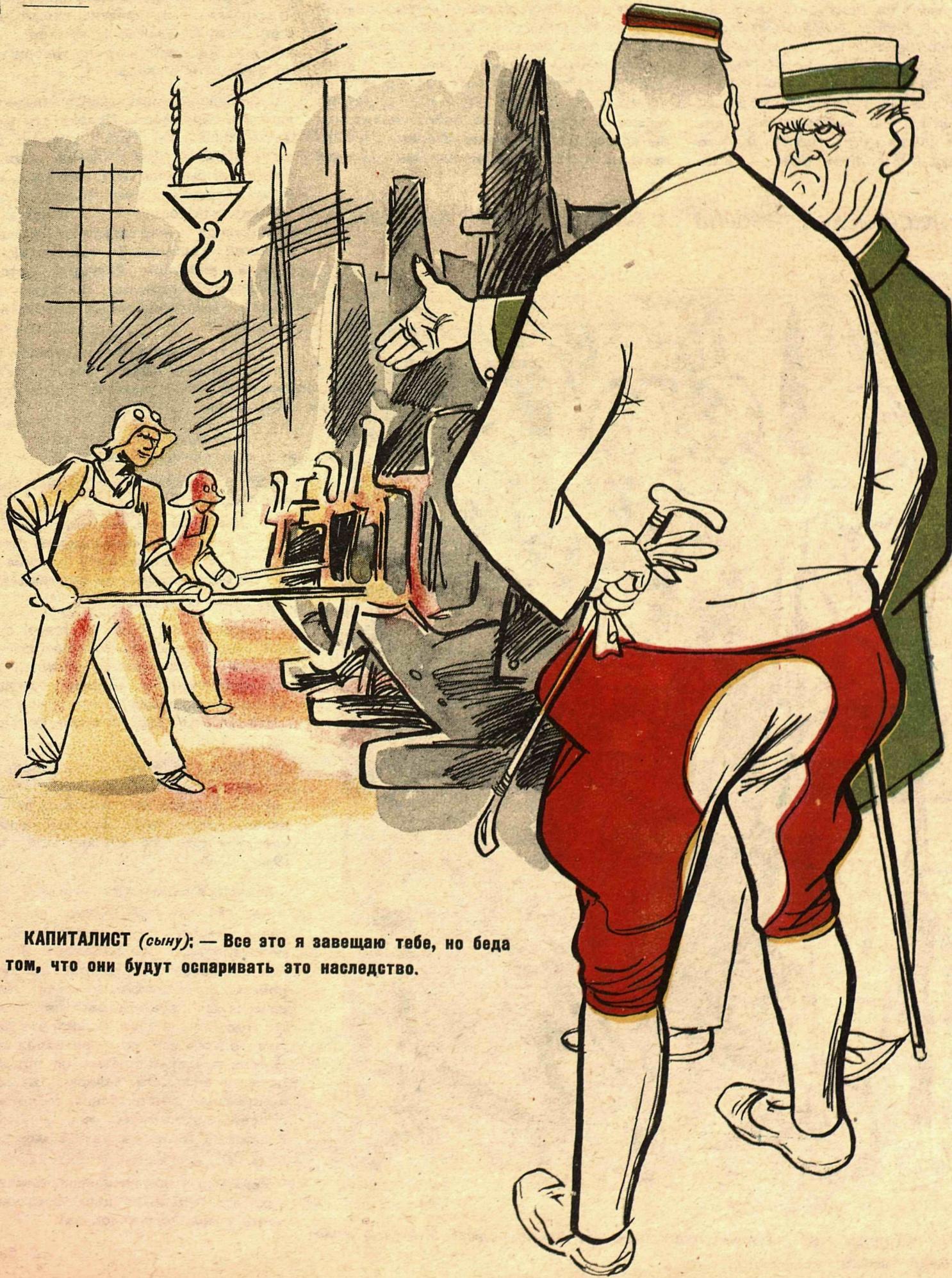
СПЕЦИАЛЬНЫЙ—КОМСОМОЛЬСКИЙ

Издательство ЦК ВКП (б) „Правда“ * Москва * Сентябрь 1932 г. * Год издания XI

К 556

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ИМ

11 Л. Генч

КАПИТАЛИСТ (сыну): — Все это я завещаю тебе, но беда в том, что они будут оспаривать это наследство.

История молодого человека XX столетия

в самом сжатом виде

ОТ МЕНЯ. Когда будут описывать молодого человека нашей эпохи, то вдохновенные художники и писатели возьмутся прежде всего за энтузиастов, героев и борцов. А мой племянник Петя останется опять в стороне. Затрут Петяшку борцы и герои. Факт. А Петя — не только племянник и молодой

человек. Он на редкость скромен и благовоспитан; он подает большие надежды (*кто их не подает!* Б. С.). Сам Петя, по своей деликатности, не полезет в историю, как некоторые, а поэтому я прошу, как говорится, оказать всевозможное содействие (*без запяточка не могу!* Б. С.).

соблюдает: ходит на производственные совещания, но изобретательством не занимается исключительно по скромности. „Не моего, — говорит, — ума дело, еще неприятностей наживешь и ночей спать не будешь!“ (*По-моему — обязательно...*)

ПЕТЯ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИСТОРИИ

Родился Петя в таком-то году, в семье небогатых, но выдержанных родителей.

Уже в дошкольном возрасте Петушок вел себя законопослушно. Не орал, не лазил по деревьям, не подходил к реке и с огнем не играл. Словом, не позволял себе выдающихся поступков, в историю назойливо не лез, старших не беспокоил (*прекрасное дитя!* Б. С.) и знал свое место (??).

В школе Петя также умилял сердца наставников. Он прошел ее удовлетворительно, научился слегка читать, писать и умножать зарплату. С учителями обращался по-

человечески и особыми умствованиями их не затруднял. С подозрительными товарищами не знался и в поведении замечен не был.

Шестнадцать лет (*не ошибка ли?*) Петя поступил на работу рядовым инженером, не отставая от сверстников. Особенно по командировкам, во время коих он привозит периферийную продукцию (*что именно и откуда?*). На работе ведет себя вообще исправно. Не в свое дело не суется и никому жизнь не осложняет. За собой следит, как бы не переработаться, не сделать бы чего задаром, из-за голого энтузиазма. Приличия

В своей общественной деятельности Петр тоже большой аккуратист и скромница. Общественность — та же служба, считает он, и тут норму нужно выполнять.

В наиболее рискованной части общественной работы — самокритике — Петя умеет потрафить (*Везет людям!*). У него получается чувствительно и приятно, словно Петя чешет пятку (*Ахиллесову*). Скромность и деликатность не позволяют ему говорить людям неприятности в глаза.

В семейной жизни Петрунчик — образец любви и скромности. Первая его жена Фанюшка оказалась сущей халдой: шлялась по собраниям (*увыл...*), читала книжки и с прислугой была на «ты». Петенька, конечно, Фаню устранил и взял Марусю, настоящую хозяйку и помощницу. У ней каждый чулочек записан и достать может (*мечта*). И Фаню тоже не оставил. Ее, говорит, надо учить, пускай с ребенком попляшет. Поэтому и не выплачивает алиментов. Выходит, что Фаня учится благодаря петинной доброте. (*Чисто придумано!*)

По части искусств Петя не отстает. Вечером играет на двухрядке и иногда читает. Недавно прочитал нежное стихотворение В. Курочкина:

„Блажен, кто рассуждает мало
И кто не думает совсем“.

Еще мы читали с ним прелестное описание природы у Гейне:

„Безоблачно небо, нет ветра с утра,
В большом затруднении торчат флюгера:
Уж как ни гадают, никак не добьются,
В которую сторону им повернуться“.

Очень величественно(??).

Посещает Петроний и театр, отличаясь при этом большой выносливостью. Он на праздниках однажды прослушал две оратории, не считая вступительного слова. (*Для явного расхвастался!*)

Что же еще? Еще, кажется, больше ничего.

Да! Могу ответить и на злободневный вопрос. Скажу прямо: нет, не жулик. Если когда и возьмет или достанет, то с соблюдением приличия. Да и зачем воровать человеку, у которого есть друзья и знакомые? (*Это верно!*)

Вот и все вкратце о Пете.

ЕЩЕ РАЗ ОТ МЕНЯ. Некоторые спросят, какое же отношение имеет Петя к комсомольскому номеру? Никакого. Ничего особенного он из себя не представляет. Ни геройства, ни открытий, ни раскрытий он не совершил. Я и сам признаю эти недостатки. Но Петя у меня один. Важно, что Петя скромен, благовоспитан и на хорошем счету. И если почему-либо Петя не подойдет для истории молодого человека, даже с крокодильской точки зрения, то по-моему, он вполне заслуживает места в истории скромного и приличного молодого человека.

Ведь будут же интересоваться когда-нибудь столь ценным качеством, как скромность у молодого человека!

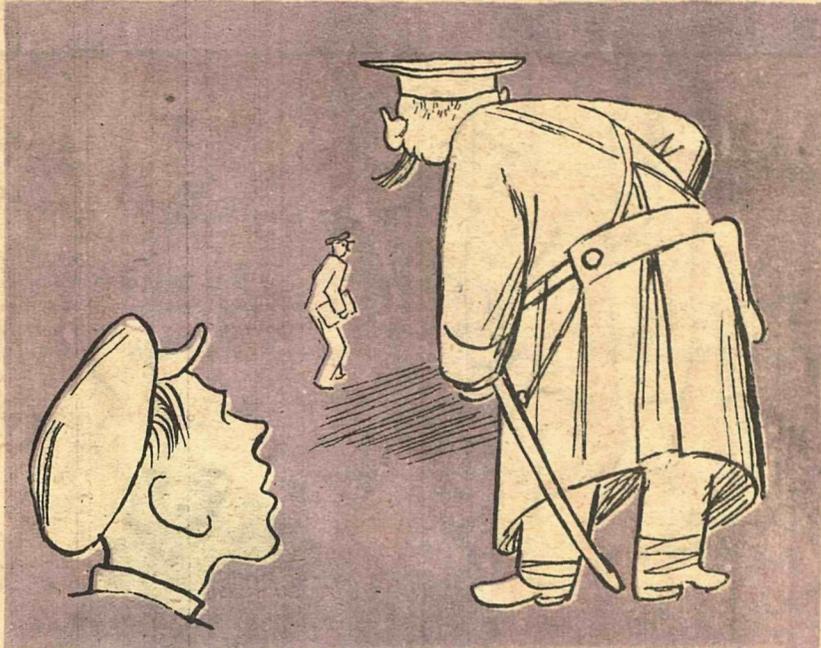
Б. Самсонов.

ОТ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ К ФАШИСТСКОЙ ПРАКТИКЕ

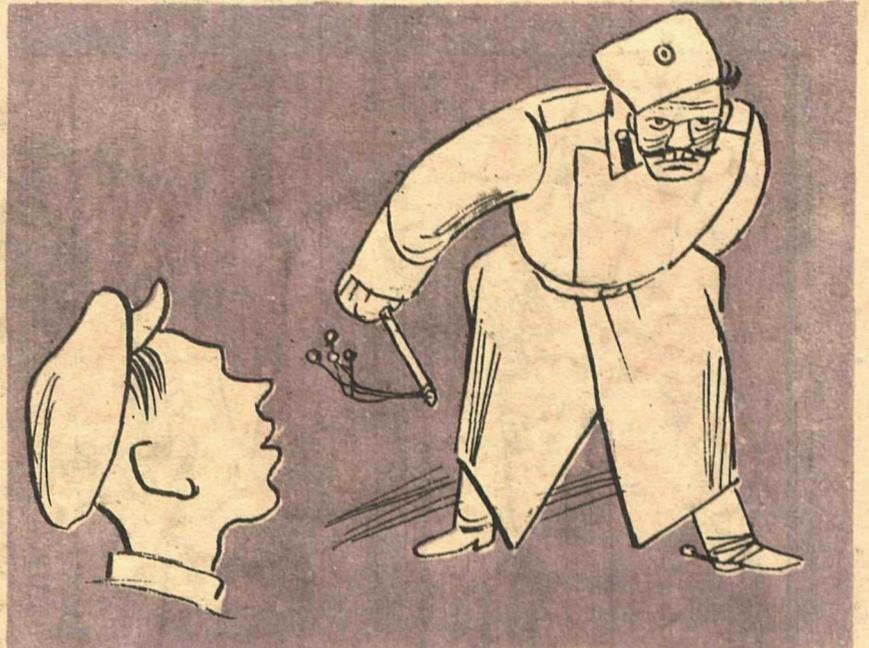
А. Радаков

ГИТЛЕР (Каутскому): — Ничего, старичок! Не конфузьтесь! У кого в молодости не было ошибок

1. Комсомолеу не знает, что такое настоящий царский городской. Это хорошо.

2. Комсомолеу не знает, что такое страшная казацкая нагайка. И это хорошо.

(Смотри вниз)

ТАРТАРЕН *ш ц ч о*

Мы начнем в мажорном строе —
Он звучит у нас в рефрене:
Эта повесть о герое —
О российском Тартарене.

Комсомолец Миша Камкин
Задыхается в районе:
Безнадёжно давят рамки
В черноземном Тарасконе!

Он мечтает в сквере клубном,
Под вишневым баобабом
И несется к звукам трубным —
К неизмеренным масштабам.

— Тара... скирды... совка — гам-
ма, —
В горле мишкином — сирена:
Что за жалкая программа
Для героя Тартарена?!

И, зажегшись буйным гневом,
Он бежит в бюро райкома:
— Не прославиться в огне вам,
Вам отвага незнакома!..

Ну, а я рожден, ребята
Не кисейною девицей:
У меня в груди задатки
Для опасных экспедиций!

Эй, братва! За что боролесь?
Я не создан для комедий,
Дайте мне мандат на полюс, —
Я хочу стрелять медведей!

Техучеба — теоремы,
Огород — уборка хрена, —
Что за куцые проблемы
Для героя Тартарена?!

— Глуп ты, Мишка, вянут уши, —
Секретарь его ругает:
— Освежи себя под душем, —
Это, знаешь, помогает.

— Мелкота! Презренный заяц!
Все вы мне не по ранжиру...
И, отчаянно ругаясь,
Мишка мчится на квартиру.

На пути гнилая лужа...
Здесь, конечно, не арена
Для отважнейшего мужа,
Для героя Тартарена!

Со стены снята двустволка...
Мишка, вынув папироску,
У зеркального осколка
Примеряет эскимоску...

Он в окно увидел сивку, —
Этот вид ему наскучил...
Гладит взор его набивку,
Припасенную для чучел.

Сделав смотр экипировке,
Мишка пугь свой держит к полю:
Здесь в укромной обстановке
Хорошо мечтать про полюс!

Слышен гром девизов бравых:
— Сокрушай их, бей их, режь их!

На двенадцати составах
Навезу я шкур медвежьих!

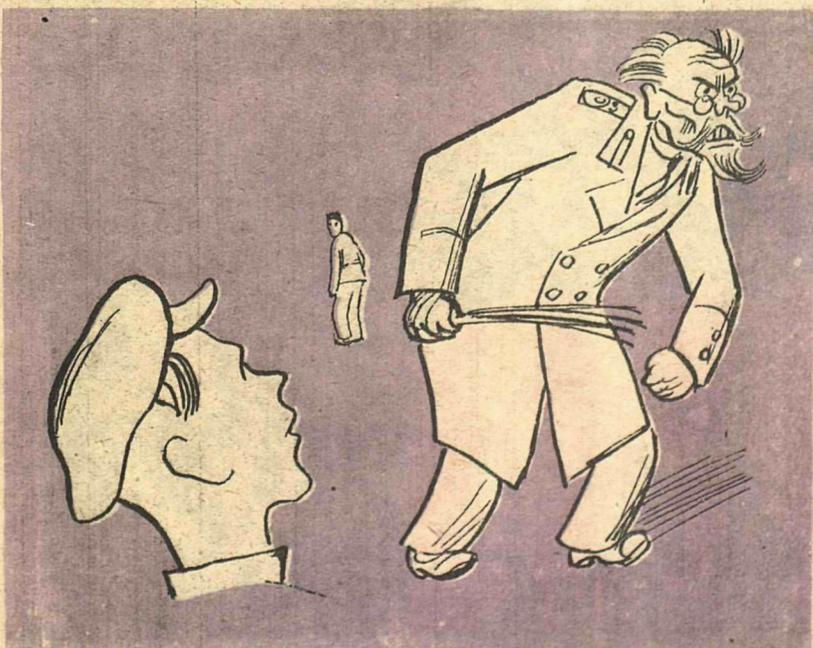
От роскошного итога
Сердце тает в липком сусле...
Вдруг взметнувшись из-за стога
Усмехнулся мелкий суслик.

Этот зверь, ослабив хайло,
Издевался всей фигуркой:
— А слабо тебе, Михайло,
Потрясать мою шкуркой!..

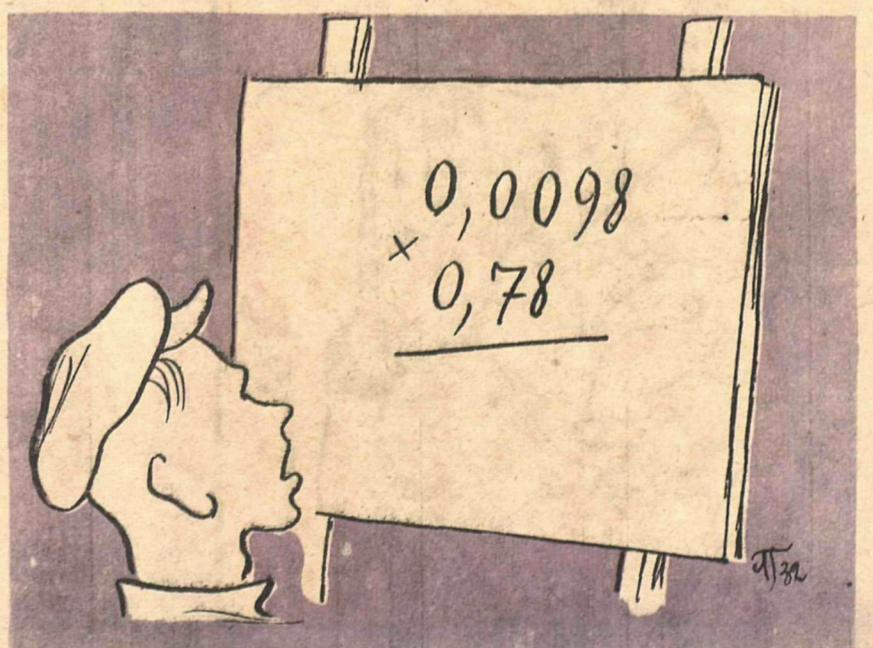
Мишка, ясно, не ответил,
С'ел обиду, как ватрушку, —
Он, конечно, не заметил...
Неполярную зверюшку!

ЦЧО для Миши — драма.
В сердце мишкином — гангрена:
Суслик — это не программа
Для героя Тартарена!

В. Гранов

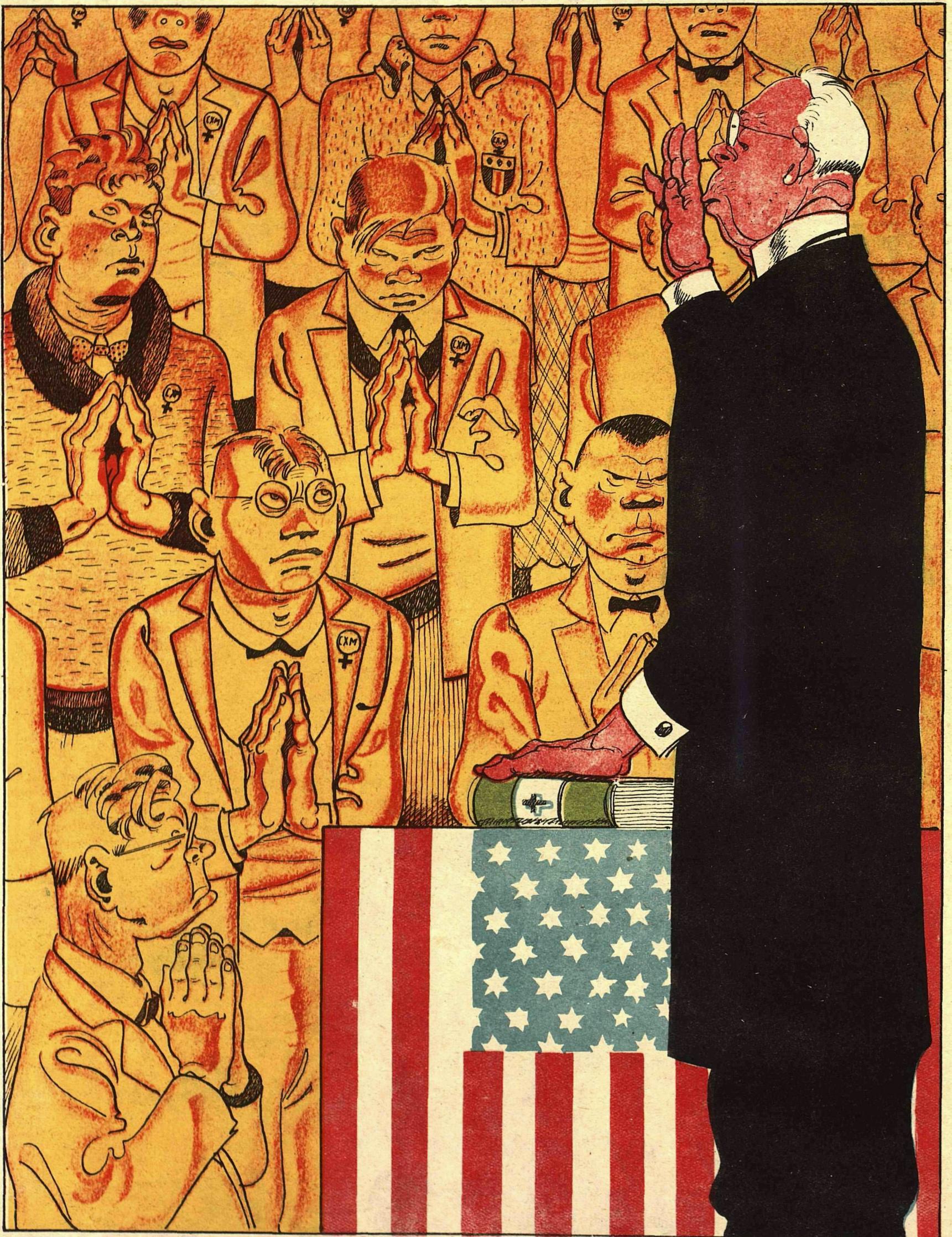

3. Комсомолеу не знает воспитательного инструмента старого режима — классической розги. Это превосходно.

4. Но бывает и так, что комсомолец не знает четырех правил арифметики. Вот это уж плохо.

Ю. Ганф

В СОЮЗЕ ХРИСТИАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

— А теперь, братья, прервем наши молитвы на 10 минут. Тут нужно немножко линчевать одного заблудшего негра.

Семечкин

(Глава из романа Вал. Катаева „Время, вперед“)

МАРГУЛИСС медленно просчитал до семидесяти. Барабан не опрокидывался.

Он просчитал до восьмидесяти. Шума вываливаемого бетона не было.

Он просчитал до восьмидесяти-пяти.

Стоп!
Машина остановилась.
— Вода! — закричал кто-то сорванным голосом.

Маргулисс бросился к машине.

— В чем дело?

— Вода! — хрипло кричал моторист. — Вода-а!

— Почему остановка? — спросил Маргулисс.

— Вода.

— В чем дело?

— Нет воды!

Каждая секунда была на счету. От каждой секунды зависел мировой рекорд. Мировой рекорд висел на волоске.

— Ох, не вытянем!

Работа остановилась. Люди замерли в тех позах, в каких их застал перерыв. Они отдыхали.

Кутайсов кричал в телефон:

— Алло! Водопровод! У телефона начальник аварийного штаба „Комсомольской правды“.

Почему на шестом участке нет воды? Что? Вода есть? Не закрывали? Как же, дорогой товарищ, — вода есть, когда воды нет! Что? А я тебе говорю, что нет! А кто же знает? Кто это говорит? Как фамилия? Ну, имей в виду, Николаев, ты будешь виноват, персонально отвечать за свои слова. Значит, ты утверждаешь, что вода есть? Добре.

Корнеев, отдирая туфли, карабкался по доскам в тепляк.

Там, на противоположной стороне, работала другая бетономешалка шестого участка, большая стационарная машина „Рансома“.

Громадный воздух, пробитый и рассеченный по всем направлениям красными, клубящимися балками заката, мелькал движущимися тенями людей и колес.

С глухим шершавым шумом точильного камня медленно вращался большой барабан.

Корнеев поставил к губам ладони рупором:

— Эй! Кто там! На „Рансоме“!

У вас идет вода?

Он повернулся и поднес ладонь к уху.

— Идет! Иде-ет!

Слова гулко и медленно перелетали от человека к человеку сквозь громадный воздух тепляка.

— Ийот... ийот... ийот... — защелкало эхо на высоте восьмизатяжного дома. Эхо считало стальные балки перекрытия.

— Идет!

Корнеев бросился назад.

— На „Рансоме“ вода идет. Водопровод в порядке.

Маргулисс обошел вокруг машины.

— Идет?

— Не идет.

— Что т-такое?

Моторист рвал рычаг вперед и назад. Воды не было.

Бежали Ищенко, Мося, Нефедов, Тригер.

— В чем дело? Что случилось?

— Вода.

— Авария на водопроводной?

— Нет.

— Поломка?

— Нет.

Маргулисс сбросил пиджак и засучил рукава. Он взбежал на помост, стал на станину и залез головой в водяной бак.

Он долго и внимательно осматривал его. Он стучал кулаком по водомеру. Он вынул из голенища французский ключ.

Цедя сквозь зубы страшную ругань, он развинчивал и завинчивал гайки, трогал винты, выстуки-

вал клепку, прикладывал ухо к стенкам.

Все было в полном порядке.

Он спустился вниз с помоста и надел пиджак, не считив с него пыли.

Забрал голову.

— Как это случилось?

Моторист дернул плечами и со свистом плюнул.

— Да никак не случилось. Просто вода шла и вдруг перестала.

Прямо, как отрубил. Бац—и нет воды!

Он взялся за рычаг и стал его рвать с тупым упрямством: вперед—назад, вперед—назад.

— Давид Львович! — жалобно проговорил Мося. — Ну что вы скажете на такое дело? Прямо, как назло, прямо, как нарочно!

Он хватил кулаком по столбу помоста.

Ханумов, ломая, железными пальцами крошил щепку на мелкие кусочки и с силой швырял их под ноги.

Маргулисс твердо сдвинул густые брови и, расталкивая локтями людей, побежал, спотыкаясь, в тепляк.

— Что ж они там, — бормотал он, — что ж они там делают... этот самый знаменитый аварийный штаб? Взяли на себя водопровод, а воды нет. И никого нет. Кто у них там... Семечкин, кажется? Где же Семечкин?

Он остановился и закричал громовым голосом:

— Семечкин! Где Семечкин? Кто видел Семечкина? Семечкин!

Он побежал в другую сторону.

— Семечкин!

— Ну, в чем дело? Что за паника? — сказал густой, неодобрительный басок Семечкина.

Маргулисс остановился. Голос Семечкина исходил откуда-то из-под пола.

Маргулисс посмотрел вниз.

Здесь пол тепляка был разобран. Зияла квадратная дыра. Из нее, как из театрального трапа, в черных очках медленно, с отдышкой, поднималась фигура Се-

мечкина с толстым парусиновым портфелем под мышкой.

Его нос был испачкан суриком.

— В чем дело?

— Ты на водопроводе?

— Я.

— Вода!

Семечкин вылез из трапа, аккуратно обчистил галифе на коленях и, солидно покашляв, сказал:

— Все в порядке. Уже.

— Что?

— Уже ставят. Я распорядился.

— Ставят? Что ставят?

— Счетчик.

— Какой счетчик?

Семечкин размахисто и несколько покровительственно похлопал Маргулисса по плечу.

— Эх, вы, производственники! Мировые рекорды бьете, а хозрасчет забываете. Ну, ничего, хозяин, не дрейфь. Я распорядился.

Маргулисс смотрел на него в упор неподвижно суженными глазами. Его лицо было твердо и угловато, как камень.

— Что ты распорядился? — с расстановкой и с ударением на каждом слове произнес он. — Что ты распорядился?

Семечкин небрежно пожал плечами:

— Распорядился поставить счетчик. Через полтора часа будет уже работать. Какой же иначе хозрасчет?

— Это ты приказал развинтить трубы и закрыть воду? — Маргулисс был страшен.

— Ну, допустим, проверка рублем, — авторитетным баском заметил Семечкин.

— Немедленно... Слышишь, немедленно...

Маргулисс задыхался.

— Немедленно свинтить трубы и дать воду! — закричал он пронзительно и визгливо.

Семечкин побледнел. Губы его дрогнули.

— Ни под каким видом. Я отвечаю за водопровод.

— Дурак! — загремел Маргулисс.

— Болван! Идиот! Немедленно! Я приказываю немедленно!

— Я бы вас попросил, товарищ Маргулисс, не выражаться.

Коленки Семечкина попрыгивали.

Маргулисс схватился за крайнюю доску и спрыгнул в трап.

Горела пятисотсвечевая рефлекторная лампа.

Два водопроводчика сидели на земле и, подстелив газету, ужинали рыбными консервами. „Белуга в томате“ — прочел Маргулисс на коробке. На этикетке была нарисована севрюга... Его охватило бешенство.

Водопроводная труба была развинчена. Один ее конец был забит деревянным кляпом. Нарезка другого густо намазана суриком. Большой счетчик лежал на пакле.

Вокруг валялись обрезки водопроводных труб и инструмент.

— Немедленно свинтить, — сказал Маргулисс сквозь зубы.

Сверху блеснули черные очки Семечкина.

— Ставьте счетчик. Сначала ставьте счетчик.

— Немедленно!

— Не свинчивайте!

— Я приказываю свинтить!

— Приказываю не свинчивать!

Я — уполномоченный аварийного штаба. Я отвечаю.

— Немедленно свинтить и дать воду!

Маргулисс схватился за крайнюю доску, подтянулся на мускулах, раскачался и выскочил из трапа. Он вплотную надвинулся на Семечкина.

— Молчать! — заорал Маргулисс.

— Мальчишка!

— Я бы вас попросил...

— Что? Что-о-о?

Маргулисс вырвал из кармана свисток. Он судорожно, дрожащими руками совал его в рот.

Длинная канареечная трель пронзительно прохватила тепляк.

— Эй! Кто там! Охрана!

Гремя прикладом, по доскам бежал стрелок.

— Вы меня знаете, товарищ? — спокойно спросил Маргулисс.

— Так точно, вы — начальник шестого участка.

— Правильно.

Маргулисс кивнул головой на Семечкина.

— Взять!

— Этого?

— Этого самого.

Стрелок взял Семечкина за рукав.

— Куда вести?

— Посади в пожарный сарай.

Стрелок с любопытством и некоторым сожалением осматривал Семечкина, многочисленные значки на лацкане его пиджачка, носки, приколотые поверх галифе большими английскими булавками, бантики на туфлях, страшные черные очки, красный кадык.

— Пойдем, товарищ.

— Вы не имеете права! — закричал Семечкин, багровея. — Я куда не пойду. Я — уполномоченный аварийного штаба. Вы за это ответите. Я буду писать в областную прессу.

Он рванул из рук стрелка. Но стрелок держал его крепко. Черные очки свалились с его носа. Под страшными очками обнаружались небольшие, голубенькие, золотушные глаза. Они испуганно бегали по сторонам.

— Я подчиняюсь грубому насилию.

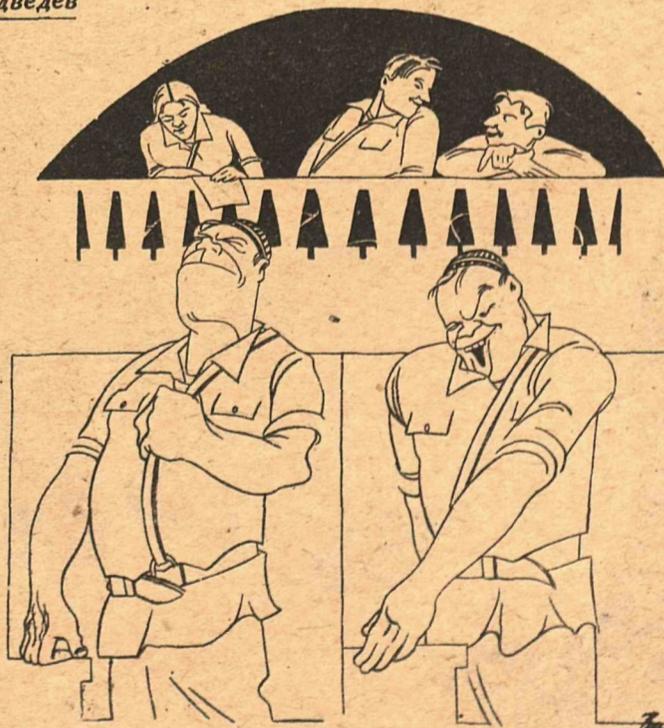
— Пойдем, пойдем, браток.

— Через два часа выпустишь, — заметил через плечо Маргулисс. Он подошел к трапу, нагнулся и сказал спокойно:

— Свинтить.

К СОЖАЛЕНИЮ, ИЗ КОМСОМОЛЬСКОГО БЫТА

В. Медведев

ДВОЕ НА БАЛКОНЕ: — Докладчик какой вежливый пошел. Как о достижениях, так „мы“ да „мы“, а как о недостатках, — сразу на „вы“ переходит.

МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Необходимо над воспитанием людей работать много и серьезно, а у нас мало работают. Отсюда рождаются всезнайки, „водители“, безответственность и пр.

(Из речи тов. Косарева на VII конференции ВЛКСМ).

К. Елисеев

32

ОТЕЦ: — Что это ты так вырядился? Ты ведь полюса и не нюхал!

СЫН: — А это я специально к докладу подготовился, чтобы не обвинили в дилетантизме.

РВЕТ на ключья встречный ветер
 Паровозный сизый дым.
 Над полями тает вечер...
 Хорошо быть молодым!

С верхней полки ноги свесив,
 Шуткой девушек смешить,
 Коротать дорогу песней,
 Волноваться и спешить.

Пусть туманом даль намокла,
 Никнет блеклая трава —
 Ветер свистом лижет стекла:
 — С-с-скоро крас-с-сная Мос-с-сква!

Едут все кругом учиться, —
 Не вагон, — а целый вуз.
 Светят молодостью лица,
 Паровоз ворчит и злится
 И везет, везет в столицу
 Бодрой молодости груз.

Крики, споры, разговоры,
 Хохот дружный и густой.
 — Говорю же это — скорый!
 — Нет, не скорый, а простой.

Стыдно, друг, в путейцы метишь,
 А с движеньем не знаком.
 — Ой, как долго!.. Едешь, едешь..
 — Лешка! Шпарь за кипятком!..

— Нет, товарищ, вы, как страус.
 Не ныряйте под крыло,
 „Фауст“ есть, конечно, „Фауст“,
 Но что было, то прошло.

Взять хоть образ Маргариты,
 Что он сердцу говорит?
 — Эх, брат, что ни говори ты, —
 Жить нельзя без Маргарит.

— Слушай, Нинка, ты отстала,
 Петухом не налетай.
 О фосфатах ты читала?
 О коррозии металла?
 Не читала? Почитай!..

— Как с продуктами в Москве там?
 — Слабовато, говорят?
 — Я отъелся этим летом,
 Мне теперь сам чорт не брат.

— Обещали дать нам дачу
 Где-то близко, под Москвой.
 С дачей вышла неудача,
 И теперь хоть волком вой!

Хорошо, что есть две тетки.
 Месяц — тут да месяц — там...
 — Понимаешь, цепь лебедки
 Прикрепляется к винтам.

А потом... Эй, Сонька, хватит
 Разлагаться на боку!
 Дай достать из сумки платье...
 — Вот чаек! Кому чайку?..

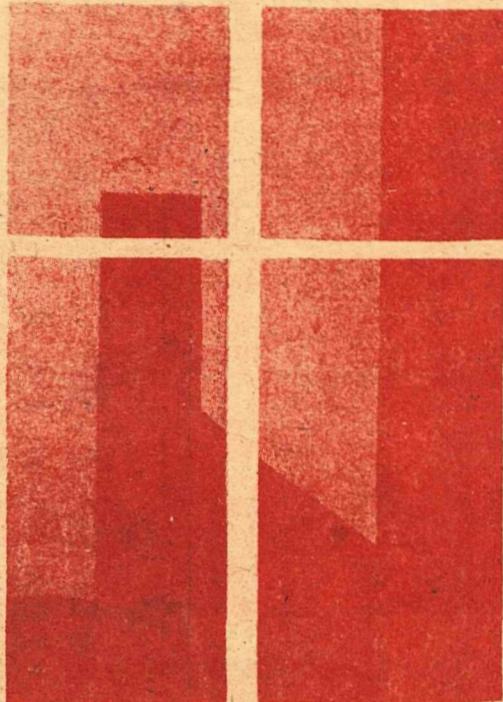
Позабыв о жарком лете,
 Мокнет блеклая трава,
 В стекла бьется скользкий ветер,
 И вдали туманом светит
 Обновленная Москва.

Паровозный дым, как войлок,
 Рваным пологом плывет.
 Точно конь, почуяв стойло,
 Паровоз усилил ход.

Станционные ограды
 Глухо сдвинулись вокруг...
 Эй, Москва! Прими, как надо,
 Молодежные отряды
 Красной армии наук!

Вас. Лебедев-Кумач.

Л. Бродаты

**ЗА МАРКСИСТСКО УЧЕБУ
 ЛЕНИНСКУЮ**

ДРУСЕКТОР

КОМСОМОЛЕЦ: — Зачем нас снимают?

ФОТОГРАФ: — Райком велел, хочет на вашу ячейку посмотреть.

ГОЛЫЕ ГРАЖДАНЕ

СОЛЯРИЙ был подобен противню, залитому горячим золотым жиром. Вода шипела, облизывая его раскаленный край. Голые граждане запекались, как пироги с разнообразной начинкой. Были отброшены трусики и всякие условности. Хорошо хоть раз в пятидневку побить Адамом!
 В маленькой, тесной группе взрывался смех. Смех вызвали анекдоты, которые многосерийной комедией тянулись из уст двоих голых граждан: тучного бело-розового, как пастила, мужчины в летах и худенького парнишки, обуглившегося на солнце до глянца антрацита. Это было соревнование двух рассказчиков. Они шли голова в голову, оставив далеко позади третьего узкогрудого гражданина. Ему некуда было всунуть самый маленький анекдотик, и он только беспомощно разевал рот.
 Анекдоты были с явным антисоветским духом и похабные, как надпись в уборной

публичного дома. Обугленный парнишка обнаруживал необыкновенное знание похабных тонкостей, словно он побывал во всех притонах мира. На этом уместе он забивал бело-розового. Зато бело-розовый превосходил парнишку по антисемитской части. Евреи сыпались с его языка в таком количестве, что пятиминутного выпуска их было бы достаточно для заселения Биробиджана.

Время проходило мило и незаметно. Солнце катилось за сетку деревьев, как волейбольный мяч. Бело-розовый гражданин с достоинством окунулся в нефтеносные воды Москва-реки и пошел одеваться. Обугленный парнишка последовал за бело-розовым, сведенный с ним незримой нитью симпатии, возникающей даже на почве похабных анекдотов. Слабогрудый собеседник отставал и на этом участке. Он досказывал анекдот рыбешкам, и те энергично кивали хвостами.

Начав одеваться, бело-розовый гражданин и обугленный парнишка поглядели друг на друга с недоумением.

Парнишка перетянул портупею зеленую юнгштурмовку. Кожаный ручеек портупеи побежал мимо островка комсомольского знака.

Бело-розовый вытирал вялые синеватые ноги бланком с горделивым штампом какого-то треста. Из-под „заседалища“ его торчал монументальный портфель с серебряной монограммой-дошечкой: „Дорогому начальнику от преданных сотрудников“.

„Ответственный, чорт!“ — подумал парнишка. Оба посматривали сконфуженно.

„А я-то полагал, что это шпана беспризорная!“ — подумал трестовик.

Менее дипломатичный комсомолец прямо брякнул:

— А я ведь вас за сухаревца считал!..

Трестовик невесело хихикнул и двинулся к выходу.

По дороге их нагнал узкогрудый гражданин. В груди его все еще кипели нерассказанные анекдоты. Это внутреннее пламя сжигало его, искало выхода. За десяток шагов он метнул, как тяжелое копье, фантастического еврея: „Садится, знаете, еврей в трамвай и спрашивает...“

Но комсомолец почернел и сурово оборвал:

— Стыдно, товарищ, антисемитизм разводить!

— А еще интеллигент! — добавил укоризненно трестовик.

При выходе из переулка трестовина поджидал автомобиль.

Комсомолец вскинул находку в трамвай. Слабогрудый остался один.

Фора вступила в свои законные права.
 Г. Травин.

ОН ОТРАВИЛ нам существование... Мы в общезнании занимали второе место: я, Коля Грешнев и он — Паша Птенцов. Сначала мы думали, что парень просто с дурницей, и не обращали на него особенного внимания... Вот вечером запоем с Колей какую-нибудь песню про „Ваньку-ключника“ или еще какую муру, а он протестует. И протестует не потому, что мешаем или голоса у нас сильно противные. Нет... А вот почему не поем „Молодая гвардия“ или „Как родная меня мать“. Нам хочется про ключника петь, тебе какое дело! Начнет спорить, доказывать и замолчим — лишь бы отстал.

На ночь мы с Колей клали свои брюки „под утюг“. Коля до этого был во флоте, ну и приучен. „Утюг“ — это вот что такое: на коврике под матрацем кладешь две фанеры, как время спать, брюки почищишь, затем аккуратно сложишь шов ко шву, sprыснешь водичкой, постелишь на одной фанере, другой прикроешь, поверх матраца и сам на бок. Утром брюки свежие. Улыбаются. А Птенцову это просто — нож в сердце. „Комсомольцы, а вот чем занимаетесь. Брюки у вас в башке. Серьезные ребята не обращают внимания на свой костюм. Им все равно, а вот вы...“ И нудит и нудит. Прямо тошно. Рассердишься, крикнешь на него: „Тебе-то что до этого“.

— Мне ничего, а только все-таки хочу обратить ваше внимание, что в наше время... — И пошел и пошел. Все это он произносил задушевым, сердечным голосом. Видать, парень искренне болеет. Но нам-то от этого не легче...

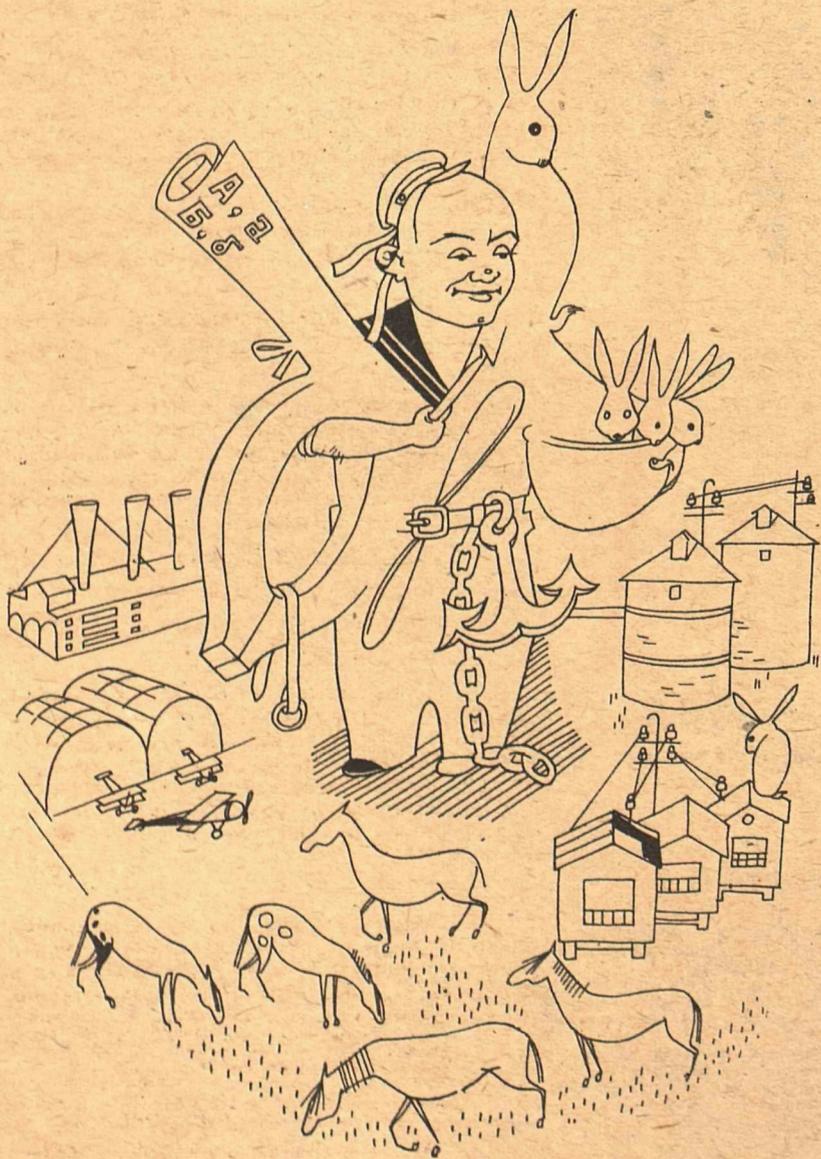
У меня привычка прежде чем заснуть, какую-нибудь беллетристику почитать. У кровати ставлю стул, лампочку и колпачок такой сам приладил... Да ему свет не мешал. Не на это он жаловался: А видите ли, если б я газету читал, тогда — другое дело, а на беллетристику не стоит тратить энергию.

— Я газету днем читал, а сейчас хочу беллетристику, тебе-то что? — Электричество нашему государству не легко достается. Надо быть сознательным и беречь энергию... — И скулит. Ну, и потушишь лампу. Не до чтения тут. То же самое с водой. Мы по утрам с Колей обливаемся, известно, лишнее прольешь. И опять, как увидит, начнет:

„ТО АКАДЕМИК, ТО ГЕРОЙ, ТО МОРЕПЛАВАТЕЛЬ, ТО ПЛОТНИК“

Комсомол — шеф кролиководства, электрификации, авиации, всеобщая, коля, морского флота, силоса

В. Брискин

КОМСОМОЛЕЦ: — Ну, кажется, над всем взял шефство, теперь остаются пустяки: взять шефство над высшей математикой — и дело в шляпе.

— Вода наша, советская, а вы ею не дорожите. С вас берут пример и беспартийные. Надо беречь народное достояние...

— Да катись ты отсюда к такой-то матери. Мы народное добро не хуже твоего бережем!

Возражать ему, товарищи, было немисливо... Раз пошли мы в пивную, и он к нам приклеился. Ну идем, чорт с тобой. Заказали по кружке и ему предлагаем — пей, пожалуйста. Пиво хорошее, прохладное.

— Стану я на это дело деньги переводить.

— Да мы за тебя заплачим, пей.

— Разве я об этом горюю. Я к тому говорю, что нельзя комсомольцам деньги тратить на пиво. Лучше эту монету отдать в МОПР или в деткомиссию. Вы знаете, сколько народу томится в капиталистических тюрьмах, а вы пиво пьете. Вы знаете, что в одной Польше... — И приведет тебе цифры и ужасные факты пыток.

Мы и без него все это знаем, и никакие мы алкоголики. Просто приятно иногда пива выпить, но ему же этого никак не объяснишь. Будь он проклят! Не даст спокойно посидеть. Не даст спокойно выпить кружку пива. И всюду он за нами ходит. Гонись его прочь, а он просится:

— Не оставляйте меня одного. Мне без вас скучно. Я к вам привык.

И все это он так покорно, смиренно. Ну, и жалеешь его, — берешь с собой.

Сидим в кино. Нам с Колей нравится Гарольд Ллойд, конечно, глупость, но смеется, а он зудит, зудит.

— Надо смеяться сознательно, а не стихийно. Вы смеетесь анархически...

Я и Коля любим хорошо покушать. Это правда. В выходной день это мы всегда картошку с луком зажарим, яичницу с укропом. Сбегаю на рынок, таорогу свежего куплю, сметаны. Я любитель до творога со сметаной. Все это смешаешь, сахаром посыплешь и с черным хлебом — замечательно вкусно! Николай тоже уважает это блюдо. Сидим это, за трапезой так, и ему предлагаем — ешь. Противно это, когда двое едят, а третий смотрит и не то, что злится, но как-то не в духе.

— Нет, — говорит Птенцов, — надо ограничивать свой желудок. Нельзя так много есть. У нас трудности с продуктами, а вы вон как много лопаете!

— Мы ж за свои деньги.

— Это все равно. У нас трудности. Вы вон сколько картошки нажарили, значит, другим меньше достанется. Это не социалистично. Николай на что сдержанный, и тот встал из-за стола, плюнул и лег на койку. Больше не ел. Противно...

И каждый день он нам какие-нибудь замечания делал и лекции читал. Каждый день у него что-нибудь новое.

Как-то вечером зашли к нам комсомолки. Пошли мы с ними в парк, и он с нами — Птенцов, Пашка. Сели на скамеечку. Девчата веселые, хохочут. И мы с ними смеемся. Болтаем. Он это заметил и посмотрел на нас недобрыми глазами:

— Да как вам не стыдно! Да почему вы с ними не можете разговаривать, как с равными товарищами. Да почему вы на них смотрите как на самок. Они такие же комсомольцы...

Девушки сразу притихли. Минуты три мы еще посидели молча и скучные разошлись по домам.

По дороге я ему говорю:

— Слушай, Птенцов, если ты еще будешь вмешиваться не в свое дело, я тебя изувечу! — Уж очень он меня разозлил.

С этого вечера мы с Колей решили во что бы то ни стало избавиться от него. Попросим коменданта, пускай нас переведет в другую комнату, либо его от нас изымет. Мы не можем так больше... Всех ребят отучил к нам ходить. Бывало иногда соберутся ребята с гитарой. Поиграют, покурят. Все-таки как-то разнообразней и веселей. Он всех отучил от нас. Вот и стали мы загадывать, как бы от него избавиться. Тут, представьте себе, замечательный случай. Прямо повезло. Играли мы с Колей в красном уголке общезнания в кости. В домино. Подсело к нам еще двое ребят, тоже комсомольцы, только не из нашего, а из литейного цеха, но живут в нашем же общезнании. Стали вчетвером играть, а они и предлагают: давайте на интерес.

— Какой интерес?

— А вот какой интерес, — говорят они, — американский. Мы выиграем, — что потребуем, должны уступить. Вы выиграете, — мы вам уступим.

Хорошо. Согласились. Только нам играть мешал Птенцов, он все время возле нас вертелся. При других боится замечания делать. Вот он то меня, то Колю отзовет в уголок, якобы, по важному делу, а на самом деле — пилит. И, конечно, мы проиграли. Предлагаем вторую партию, а те справедливо отказываются — отдайте сначала проигранное. Мы с вас можем потребовать, что пожелаем.

— Что ж вам угодно?

— А вот что нам угодно, — говорят они, — и мы с Колей своим ушам не верим. Они просят, чтобы мы переселились в их комнату. У них такая же комната, как у нас, — на троих, два окна и в том же этаже.

— А как, — спрашиваю я осторожно, — у нас еще третий есть. Так что мы все втроем или вдвоем?

— Нет, — отвечают они, — вы своего третьего оставьте нам, а у нас в комнате есть свой третий, он с вами будет...

Мы только с Колей перемигиваемся, вот, думаем, идиоты. В тот же вечер сообщили об этом коменданту. Он не возражал, раз добровольно, — и переселились. Сразу как-то легче стало жить. Будто гора с плеч упала. И весело нам, как вспомним, что эта зануда Птенцов будет теперь их грызть, а не нас. Только зря мы обрадовались. Мы попали в лапы „главному несчастному“, как мы через два дня прозвали нашего нового сожителя — комсомольца Терентия Шапошникова. Мы очень скоро поняли, почему ребята литейного нам так охотно его уступили. Специальность Шапошникова была — плакаться и прибедняться. Он отравлял нам существование... Про эту змею, про этого главного несчастного я расскажу вам еще как-нибудь.

Б. Левин.

— Интересно, есть ли на... если есть, то они уже

— Куда еще ватся, мол, отвечает...

— Ты, Надя, тебя канарей фон. А завед и патефон, быть, в

— Стану я с ные дрящи в м

— Говорят: А иай, а у меня — беню

но знать, где люди, а кончили ли уборку.

перестраиваю уже на новой работе.

мешанка, ука и граммофон популяя, может грюсб.

их кухонешиваться!

ерзай, держача, ре-

БОГАТЫРЬ РЕДЬКИН

БОЛЬШЕ дать стране чугуна — ело чести рабочего ударника. Магнитогорцы же крепкого сна Не могут рассеять жар никак. Придешь к металлургам: — ВЛКСМ! Как поставлено соревнование? — А мы не знаем... — Совсем?! — Совсем! — А кто же знает? Петя? Иль Ваня? Представьте, — вопрос принят всерьез. И даже убуда звучит в ответе: — Соревнованье? С Керчью? Вопрос Этот решает Редькин, не Петя! — Редькин! Какой Святогор или Илья

Сравнится с мощью твоею? Видавший виды всякие я Пред силой такою немею. Редькин! Сто домен, дрожа и урча, Решают вопрос — кто лучше? А Редькин один соревнуйся сплеча, Производительность двигай на кручи! Редькин! Ты богатырь, ты герой! За весь комсомол металлургов Магнитной С Керчью ведешь ты ударника бой Всей своей... массой монолитной.

★

А хорошо бы, в сущности, было У металлургов пощупать затылок!

Р. Роман.

„ЭТО ЖЕ НЕ ИГОЛКА“

СЕКРЕТАРЬ комсомольской ячейки Коксохима Трушин выбрал, наконец, выходной денек на славу. — Ну, братва, — возгласил он, сматывая удочки — и на рыбалку! Лещи — вво! Он показал по плечо правую руку с завернутым рукавом, помахал ею, потряс удочками и ушел по направлению к Уралу. Это было... Впрочем, важно не „это было“, а то, что было после этого. После этого дня через два привычно бездействовавшая ячейка все-таки заинтересовалась: — А ведь был у нас, кажись, секретарь? — Как же! Трушин по фамилии... Спец по рыбалке. — Где же он? — А кто его знает? Как будто на рыбалку поехал... — Давно поехал-то... — Зато лещей привезет — вво! — Не утоп ли? — Пес его утопит...

Однако, лещей „вво“ не оказалось. Не оказалось и Трушина. Пробовали обыскать Урал, — обыск результатов не дал. Решили было почтить вставанием память товарища Трушина, но раздумали, — память он о себе как о секретаре оставил неважную Плюнули. Отыскался след Трушина не так скоро,

отыскался в форме письма издадека. Смысл письма был краткий: — Попили... Когда история с „попили“ была доведена до сведения горкома ВЛКСМ, началась география: — Куда он пропал? Куда он попал? Ответы найдены не были, но выход из положения — быстро: — Своих ребят крепких на Коксохиме нет. Надо кого-нибудь порекомендовать в секретари! Только скорее, а то мое время истекло... — Гроссмана, думаю... — Единогласно — Гроссмана. Лучше не придумайшь. Закрыто. Пока. Бюро ячейки Коксохима утвердило Гроссмана секретарем, как из пушки. Но его появление шло не теми же темпами. — Где Гроссман? — спрашивали комсомольцы Коксохима в горкоме: не видим мы его! — Значит, дела сдает. Не все сразу, ребята! Парень — вво! Увы! Оказалось, что не парень — вво! А проще: Вво! — и боле ничего... Нет Гроссмана в природе, а в Магнитогорске и подавно. Да и не было никогда. Сокрушаются на Коксохиме комсомольцы. — Уж лучше бы Пушкина порекомендовали, — все-таки мировая величина... Или там Беранже какого-нибудь... А то — Гроссман. Придумают... Влап.

ндрание

Сибирское

Урал

ПАРЕНЬ — ВВО!

МИТЕ Дай в его комсомольской ячейке не повезло. Правда, насчет весьма тихих производственных успехов в бригаде он дал объяснение, что это, мол, неважно и временно, так как зато он „готов к труду и обороне“. Когда же и насчет готовности дело оказалось слабовато, он пояснил в другом месте, что готовность эта сорвана производственными его, Мити, достижениями. Все сошло бы, если не гладко, то хотя бы кое-как (а что еще нужно человеку), но на митино несчастье бригадир встретился с „другим местом“, и выяснилась полная возможность митино го краха или, выражаясь производственным языком, „аварии“. Секретарь ячейки в присутствии бригадира Мите рассказал:

— Плохи твои дела, товарищ Дай. Вылетишь из комсомола: лодырь и трепло! Вообще — малый не дурак и дурак немалый. Иди и подумай.

Что ж тут думать? Думать тут нечего... Митю осенило:

— Товарищ! — сказал он скромно, но с достоинством. — Здесь, конечно, склока и затирают. Не в этом дело. Пиши путевку в Магнитострой, — там люди нужны. Поеду на новостройку и докажу. Понятно?

... Дорогой к Магнитогорску Митя спокойно планировал:

„Сначала — 1.196 замесов, как Галлиулин, на другой день — пять кауперов, потом — пятьсот пятьдесят заклепок, как Ишмаков, потом — семьсот дырок, как кто-то, потом — восемьсот дробилок, тысячу скрубберов, полторы тысячи мульд, две тысячи еще чего-нибудь и мировой герой! Я им покажу и докажу! А вернусь оттуда, — посмотрю я на них, как они“...

В самом Магнитогорске Митя решил первое время держаться скромно, но с подобающей человеку, прибывшему из центра, достоинством. С этим он и пришел к секретарю горкома ВЛКСМ:

— Здорово! — кратко сказал он. — Дай.

— У меня нет, — просто ответил тот, — а в чем дело?

— Это моя фамилия такая — Дай. Конечно, фамилия рваческая, а по натуре — энтузиаст. Зовут Дмитрий. Понимаешь? Добровольно приехал в Магнитогорск. Ты это прими во внимание, — добровольно!

— Да что ты говоришь? — изумился секретарь — А я думал...

— Не думай! — перебил его Митя. — Совершенно добровольно.

— Я-то думал, что к нам все комсомольцы добровольно едут! Оказывается, ты один, а остальных под конвоем гнали! Ну и ну! Чего же ты, доброволец, хочешь?

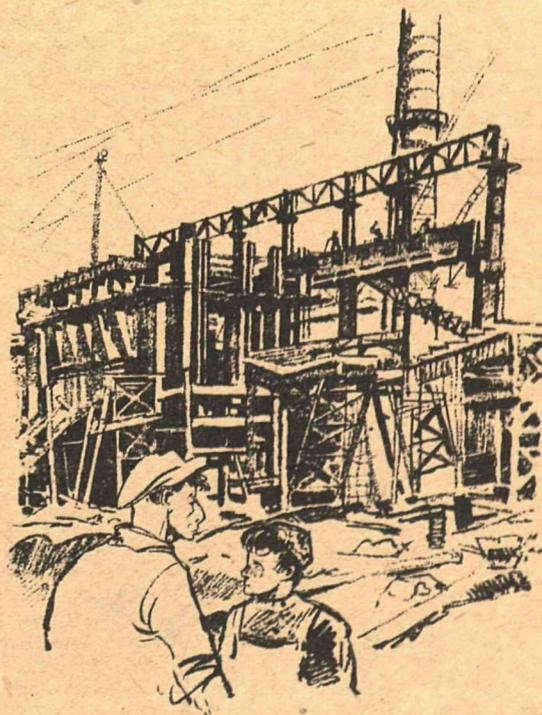
— Подтянуть отстающие участки, конечно, — совсем уж скромно объяснился Митя, — и поставить новые рекорды по замесам, по заклепке, по скрубберам, по кауперам, по дробилкам и... что у вас тут еще имеется?

Секретарь с невольным восхищением посмотрел на Митю:

— Ишь, ты какой! — с радостной улыбкой сказал он. — Ну, вали, посмотрим!

Одна из мартеновских печей, подлежащих ремонту в первую очередь, носит имя „Комсомольской правды“. Комсомольцы на ней не работают. Комсомол-во мало интересуется.

М. Храпковский

КОМСОМОЛЕЦ: — Вчера я узнал из „Комсомольской правды“, что на нашем мартене неполадки. Интересно узнать из следующих номеров, как нам удастся ликвидировать прорыв.

— Смотреть тут нечего, — веско промолвил Митя, — для нас дело обыкновенное. Выпиши-ка мне пока карточку ударника, да пропуск по всем столовым и насчет ширпотреба сообрази.

— Ловко как к тебе фамилия-то пришлась, — снова восхитился секретарь. — На вот, — протянул он Мите записку, — вали на третью домну, там копер устанавливают, — и покажи им всем... А потом опять ко мне... Пока.

„Опять ко мне“ состоялось значительно скорее, чем этого ожидали и секретарь и сам Митя:

— Не подходит копер! — мрачновато доложил Митя.

— Почему? — встревожился секретарь. — Должен подойти! Это ты чего-нибудь там не понял! Как может копер к домне не подойти?

— Не к домне, а ко мне. И склока там: с кем ни заговори, все молчат. Сильный стук, а у меня голова слабая. Кроме того — высоко: я вам не галка, чтобы... Словом, давай ударную, ширпотреб и другое направление.

— На, вали, — равнодушно уже согласился секретарь, — дуй до проката, там тебе работенка на рекорды найдется... А потом..

— Опять к тебе! — подтвердил Митя Дай и ушел.

— Нет, больше не надо. Есть свой цехом, свой секретарь. А ко мне — не надо. Прощай, Дай!

Послушный директивизм Митя Дай больше не появлялся. Но при очередном появлении секретаря прокатного цехкома ВЛКСМ секретарь горкома внимательно справился:

— Ну, как у тебя там Дай? Оклемался парень или еще того?

— Дай? — Митькой звали!

— Вот, вот, — Дмитрий, именно он. Как?

— Говорю — Митькой звали! Смысля!

— Заслабило?

— Поставили его на бетон. „Я, говорит, не кухарка, чтобы тесто месить“ — Сунули на земляные работы. — „Я вам не крот, чтобы землю рыть, давай руководящую!“ — Что с ним делать? Пробовали воздействовать, — куда там! — „Я, говорит, геройствовать сюда приехал, а работы мне и там хватило бы. Мне подвиг нужен!“

— Ну?

— Спецовку увез, постельную принадлежность увез, словчился получить дамские рубашки в Уралторге вне очереди и платок шелковый. И — Митькой звали! Впрочем, пес с ним, — давай к очередным: надо с премированием ударников повернуть, — на двадцать дней раньше срока закончили...

Секретари склонили головы над столом и оба забыли про Митю Дай. Всплыл ли он в центре, как „герой“, почувствовал ли вкус к ширпотребу новостроев, — нам неизвестно. Да и неинтересно это, товарищ! На Магнитострое он не остался. И это единственный его подвиг, полезный для Страны советов

Ю. Ганф

„...В результате здорового соревнования наций достигнут новый мировой рекорд“.
(“Дейли Мейл”).

В. Коновалов

КУЗНИЦЕЙ, где куется, выковывается и перековывается молодежно-комсомольский актив, значился в городке, как и полагается, клуб.

Украшенный от весны до весны одними и теми же лозунгами клуб считался двигателем, хотя сам он никуда не двигался.

Календарь клуба был семидневный.

Как и в церкви, как и на базаре, лицензодни сохраняли здесь свои, упраздненные пятидневкой имена.

Понедельник — репетиция драмкружка. Вторник — киносеанс. Среда — постановка. Четверг — ничего. Пятница — общее собрание. Суббота — лекция. Воскресенье — танцевальный вечер.

Постановка какой-нибудь ветхозаветной пьесы анонсировалась на большой фанере поактно:

I В забытой усадьбе; II Игра о огне;
III Вспыхнула страсть; IV Любовь — птичка,
но не ручная; V Возмездие свыше.

На экране показывали потрясающие драмы под вальс „Разбитая жизнь“, и молодежь при длительных поцелуях крупным планом с наплывом сочно чмокала губами.

При клубе издавалась стенгазета „Молодой луч“. Всю ее, от заголовка до почтового ящика, писал, сочинял и разрисовывал клубный художник Клюнько — кроткий малограмотный и пьющий человек. На его обязанности было также — писать афиши в рост человека и подновлять слишком выцветшие лозунги. Напившись, он принимал положение Пизанской башни. Но башня стояла на месте, а он ходил. Ходил и не падал...

С лекциями в клубе получалось так, что либо их отменяли за отсутствием лектора, либо отменяли за отсутствием слушателей, либо переносили на следующий день с субботы на воскресенье, когда по календарю значились ничем незаменимые танцы. Танцевали, как водится и не выводится, до утра. Клуб набивался молодежным шлаком.

Грегуар Белоголовко — молодой человек в шляпе-ковбой и в белых гетрах — прогуливался по фойе с Настей Шарончиковой. В мочках у Насты колыхались цыганские серьги-обручки. Она быстро, быстро говорила, брызжа слюной и закатывая глаза с риском не выкатить их обратно.

— Володя ужасно какой интересный брут, и никогда и никого я так страстно не любила. Наша любовь была сказкой

СТРОГИЙ СЫН

— Это все хорошо, папа, но вот, почему ты не был в комсомоле?

ВЫГОВОР С ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ

ПИОНЕР: — Мать у меня коммунистка, сестра — комсомолка, даже Мишка и тот октябренек. В кого же ты у нас беспартийный уродился?

упоительной. Да. А потом я познакомилась с Мишей, очень симпатиченький, а Ленечка мне карточку подарил — на добрую и вечную. Нет, нет, я его не забуду. Нет, нет, нет. Но потом я встретила Шурочку...

В фойе становилось тесно. Все труднее было делать круги. В людском горячем тесте всплывало бульбочками:

— Между прочим, рукам воли не давайте. Не купили!

— А вы за-зря тоже не обижайтесь!

— И наоборот. Обижаться не на кого!

— Это кому? Кому ты говоришь? Мне так говоришь? Ах ты, зараза!!!

Случайно забредшие в клуб старики направлялись прямо в буфет, где продавалось „семейное“ пиво. Пацанята жались на лестнице, кланчили билетик у проходящих. Сам завклубом сидел в кабинете под клубным знаменем и выдавал пискливым девицам пропуска с лиловой печатью, размером в кулак.

В зале стоял грохот.

Под звуки польки-кокетки танцевали чарльстон и в припадке чечотки сбивали с каблуков засохшую грязь. В пыльном тумане, как искры в дыму, взлетало из кулков наспех нарезанное конфетти. Неожиданно

данно крякало и звенело разбитое камнем с улицы стекло в оконной раме...

...Но не было такого положения в клубе, чтобы завклубом согласился и признал:

— Да, это у нас в клубе плоховато!

Наоборот, на всем земном шаре он мог найти и из'яны и выбоины, только... не во вверенном ему клубе.

Справа на столе лежал клубный календарь, слева стояли счета. И если на то пошло, Николай Алексеевич Людолюбов, завклубом, мог на костяшках подсчитать: двенадцать лекций (не состоялись, но имели быть), девять постановок, тридцать шесть киносеансов, семнадцать общих собраний (иг.ели быть, но не состоялись), итого накрусто с превышением. Если было угодно, он мог также вычислить сумму, какая получится, если помножить число посетителей клуба за два истекших квартала на их возраст, молодежный стаж, настроение, пол и характер.

И наконец — лента, огромная, красная лента над входными дверьми клуба!

Белые слова на ленте неопровержимо утверждали, что означенный клуб есть именно и действительно — кузница.

Л. Митницкий.

КОЕ-ЧТО О БОГАТСТВЕ

ИВАР КРЕЙГЕР

— самый богатый человек в Швеции. Ему принадлежали почти все спички мира. Сжег свои корабли или, вернее, покончил с собой.

Д. РОКФЕЛЛЕР

— самый богатый человек в САСШ. Ему принадлежит... Впрочем, что ему не принадлежит? Покуда жизнь самоубийством не кончил. Но как видит читатель из фотографии, костлявая скоро наложит на него лапу.

КОЛЯ ИВАНОВ

— обыкновенный комсомолец. Самый богатый человек в мире. Ему принадлежит будущее.

И ВОШЕЛ Гассан в сельсовет и обратил свои взоры на писки председателя его. — Не будет сегодня председателя, — сказал, ковыряя в носу, вихрастый секретарь сельсовета. — К теще на блины уехал. Пожалуй, и завтра не будет, — добавил он после минутного раздумья и почему-то загадочно усмехнулся.

Услышав эти слова, о чем-то вспомнил Гассан и сел на скамью и раскрыл папку с заявлениями. И нашел в ней Гассан длинный и громопобедный рапорт. И писал в нем председатель сельсовета, про которого было сказано секретарем, что уехал он к теще на блины, что дни и ночи напролет работает он, не покладая рук и ног и не щадя живота своего, над внедрением революционной законности и что просит он тов. Хатова принять во внимание расстроенное служебными трудами здоровье и исходатайствовать ему путевку на курорт.

И горько усмехнулся районный Гарун-Аль-Рашид и сбоку на заявлении коротко пометил: „отказать“. После этого, прерывая свое повествование вздохами и причитаниями, начал рассказывать Гассан вихрастому секретарю сельсовета, как он, возвращаясь с колхозного рынка, был ограблен неизвестными разбойниками.

Но так и не удалось Гассану досказать свою печальную историю, потому что секретарь посмотрел на часы, лежавшие перед ним на столе, потянулся и, шумно вздохнув, сказал: — Уже четыре часа, придешь завтра. Мое время нынче вышло. И он положил в карман свои никелированные часы и вышел вместе со временем. Но Гассан догнал секретаря и смиренно попросил у него крова. И отказал секретарь Гассану в крове, потому что не было у дыркинского Гарун-Аль-Рашида никаких документов, удостоверявших его полуголую личность.

Гассан поплелся обратно к лесу. Голод мучил его. И повстречалась ему баба, восседавшая на возу с сеном, и стыдливо протянул руку Гассан и попросил хлеба. И тогда сверху, как с горы Синайской, донесся до него суровый голос колхозницы: — Работать надо!

Скрипя немозантыми колесами, воз проехал мимо, и Гассан остался наедине со своими мыслями. Стихов он больше не произносил.

Он доплелся до опушки леса и заснул, как убитый. И впервые Гарун-Аль-Рашид не посетил его во сне. И снилось Гассану, что лежит он ограбленный на берегу озера и грудастая баба, спрыгнув с воза, что есть силы бьет его бамбуковыми удочками по голым местам и приговаривает: „Работать надо, а не рыбу ловить“.

И Гассан вскакивал и снова ложился, и снова сон смежал ему веки, и всю ночь была его баба бамбуковыми удочками по голым местам.

И наступило утро, по счету пятое, хмурое и туманное. Поеживаясь от холода, Гассан дежурил у сельсовета.

Милиционер поздоровался с ним, как с добрым знакомым, и, введя его в комнату, приступил к допросу. Как ручеек между камней, журчала речь Гассана, и он неторопливо, со всеми подробностями, повторил свою печальную повесть, которую он так и не успел досказать вихрастому секретарю сельсовета, умолчав только, как и в первом случае, об украденных лошадях, похищенном друге Никите и о своем высоком звании.

Милиционер слушал его внимательно и участливо, и когда Гассан окончил рассказ, только спросил: — Так ты говоришь, происшествие случилось на берегу? — О, да! — поспешил подтвердить Гассан.

— Около высокой сосны? — спросил, оживляясь, милиционер. — О, да! — обрадовался Гассан, думая, что правосудие уже торжествует.

— А где около сосны, справа или слева? — возбужденно вскочив с места, продолжал допрос милиционер.

— О, мой мудрый и проницательный друг! Если стать лицом к озеру, то слева Слевал Слевал — закричал звенящим, срывающимся голосом Гассан. — Ах, сле-е-е-ва, — сразу обмяк милиционер, равнодушно сел за стол и начал перебирать бумаги. — Ну так как же, чорт тебя побери?! — закричал Гассан, дрожа от волнения и неожиданно потеряв вкус к восточным оборотам речи. — А вот так же! — отрубил хранитель колхозных дворов внушительным голосом занятого человека. — Во-первых, прошу не выражаться, а во-вторых, ежели слева от сосны, это не мой район, а Добреевский. До него по тракту верст тридцать

Сказка Абрага

(Продолжение)

Иллюстрации К. Елусеева

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО: Любимой кнжкой дыркинского райпрокурора тов. Хатова были сказки „1001 ночь“. И когда он поехал на рыбную ловлю, случилось так, что его ограбили. Тогда Хатов решил подобно Гарун-Аль-Рашиду пройти в роли жалобщика по учреждениям своего района и проверить, как работает низовой аппарат. И вот что с ним приключилось.

Похороженка Исидка Хатова (новья арабская сказка)

— За что? — взмолился Гассан.

— За неосторожное обращение с огнем в лесных местностях, — сурово ответил этот человек.

— Вы с ума сошли! — закричал Гассан. — Это ведь грабеж! Небось, когда вот на этом самом месте меня обобрали, лошадей увели — вокруг ни одной живой собаки не было, а как штрафы собирать, так вас много!..

— Это третьего дня, что ли? — невозмутимо спросил человек с квитанционной книжкой. — Как не было? Мы были. Мы и видели. Только это не по нашей части. За этим должна милиция смотреть, а мы больше по штрафам. Ну, как? Деньги платить будете?

— На-ко, выкуси! — и фига Гарун-Аль-Рашида, описав дугу, оказалась на уровне глаз человека с квитанционной книжкой.

Тогда этот последний тронул Гассана за плечо и ласково сказал: — Пойдем, что ли?

Гассан поплелся за ним. Шли они долго. Позади остались зеленая прохлада леса, зеркальная гладь озер и узкая пыльная лента шоссе.

Проселок подводил их к Добрееву. И вот что было с Гассаном. Когда показался первый добреевский плетень, человек с квитанционной книжкой внимательно оглядел оборванного, худого и бледного Гарун-Аль-Рашида, разжалобился и дрогнувшим голосом сказал: — Ну, иди на все четыре стороны. Только смотри, другой раз не попадайся со спичками.

И опечалился Гассан и ускорил шаги свои.

ГЛАВА III. А НОЧЬ 1004-я

И пока усталый Гассан, с трудом перелвивая ноги, приближается к Добрееву, да станет ведомо тебе, о, счастливый читатель, что нет другого такого села, как Добреев.

Подобно оазису в пустыне, встречает оно путника белыми мазанками своих стен, цветистой черепицей кровель, прозрачными и студеными колодцами и наливными янтарно-желтыми яблоками, которые пахнут нето ананасом, нето чем-то другим, неизяснимо сладостным.

Но сладостней всего для взора и слуха одинокого путника наблюдать врожденную вежливость и изящные манеры добреевских жителей.

И Гассан уже вступил в село и шел к сельсовету по длинной, нескончаемой, как восточная сказка, улице. Улица эта называлась „Проспектом имени Карлов: Маркса и Либкнехта“, потому что, как еще не было сказано выше, улица в Добрееве была одна.

Вежливо предлагая себя, заглядывали в окна спелые яблоки, и пели в клетках канарейки, и герань на подоконниках ласкала взор его. Вежливость была здесь прямо разлита в природе.

И наблюдал Гассан нравы добреевских жителей и удивлялся Гассан.

У плетня дралось двое поселян. Они били друг друга наотмашь по лицу и после каждого удара, как фехтовальщики, отступали на несколько шагов, кланялись друг другу, изображая нечто вроде реверанса, и произносили при этом следующие слова: — Сударь, сколь мне ни прискорбно, но я вынужден дать вам еще раз по морде.

— Прошу вас. Вы меня крайне обяжете, если разрешите при этом вырвать у вас правую ноздрю.

И столь учтива была их речь, что ей мог позавидовать любой джентльмен.

Абрага.

(Продолжение в следующем номере)

... — Ну, выкуси! — и фига Гарун-Аль-Рашида, описав дугу, оказалась на уровне глаз человека с квитанционной книжкой..

— Ою, Коля, сколько у тебя в районе хулиганов развелось!

— Сам не понимаю. Все резолюции вынесены, а не перевоспитываются, да и только!

МОДНЫЙ ФАСОН МОСКВОШВЕЯ

...Мы не против любви, не против музыки, не против цветов и не против стремлений хорошо одеться. Наоборот, мы за это, но мы все это подчиняем задачам нашего класса, ибо мы создаем новую жизнь, более красочную, более насыщенную, более интересную для человека".

(Из доклада тов. Косарева на VII всесоюзной конференции ВЛКСМ).

Фотокорикатура Б. Клинча

КОМСОМОЛЕЦ: — Мы не против хорошего костюма, но очевидно, Москвошвей определенно против.

Занятный случай

3 А ПОСЛЕДНИЕ полтора месяца библиотекариша Лиза завела ни с того ни с сего шелковые серые чулки, регулярно ставила у себя дома в баночку из-под простоквашки свежие цветы и демонстративно круглые сутки пахла одеколоном „Магнолия“.

— Ты бы бросила это, — обиженно заметил ей Вася Колобаев, чувствуя, что у него еще сильнее стало екать сердце и от лизиноного голоса и от ласковых завитушек над загорелой шеей, — комсомолка ведь...

— А это по-твоему: комсомолка должна рыбьим жиром да дегтем пахнуть? — поставила Лиза вопрос ребром.

— Чулки вот тоже, — промычал Вася.

— А что — плохая нога? — вытянула Лиза левое вещественное доказательство.

Вася уныло посмотрел на ногу и вздохнул. Такую ногу, действительно, в шелковом чулке нельзя было рассматривать в дискуссионном порядке. Нога говорила сама за себя.

— Девушка с чулка портится, — теоретически бубнил Вася, — сегодня — одеколон, завтра — семья в пять детских душ, и прощай человек за тюлевые занавески... А ты, как дурак, ходи и люби, и ни от кого тебе товарищеской помощи... С этим надо покончить...

В первый же выходной день Вася зашел к Лизе, поймал ее на чтении уютчевских стихов и заявил решительно и хмуро:

— Ну, вот я ушел...

— Куда ушел? — удивилась Лиза этому странному началу. — Ты же только что пришел...

— Вообще ушел, — мрачно уронил Вася, — совсем... навсегда.

— А, навсегда... — зевнула Лиза, пробуя пальцем утюг, — а я думала сейчас уходить...

Чаю хочешь?

— Не понимаешь ты меня, Лиза, — горько усмехнулся Вася, — покатишься ты...

— Ну, и ты катись, — неожиданно резюмировала Лиза, — надоел ты мне, Васька, со своими теориями... Ой, надоел... Корпишь, чадишь, как самовар с угаром...

— Опомнишься, — еще раз горько вздохнул Вася, — бросишь все это, — позови... Приду...

— Хорошо. Открытой извещу. С оплаченным ответом, — беззаботно закончила беседу Лиза, и Вася ушел.

„А, может, это я напрасно? — уныло подумал он минут через десять на улице. —

Ну, чулки, ну, одеколон... Может, я человека под одеколоном не понял... Может, вернуться, а?“

Но, заметив, что он уже начал разговаривать с водосточной трубой, Вася взял себя в руки и решил:

— Пойду к Шурке Висмуту. Он — парень твердый, по всем подкованный. Скажет, что дурак, — вернусь... Поддержит, — прощай, девушка... Эх, легко сказать — прощай...

Вася вспомнил лизину комнату, ее самое, и ему вдруг до слез стало жалко самого себя.

— А вдруг Висмут скажет, что я дурак? — мелькнула надежда. — Ну, миленький, ну, Шурка, ну, скажи, что я дурак... Штопором бы назад полетел...

Перед висмутовской дверью Вася оробел и затревожился:

— А вдруг Шурка скажет, что того... Что завидно, что я сделал...

Молодец, мол, Вася, поздравляю тебя с твердостью и т. д., любви, мол, Катю Пырину, она — свой парень: от нее одеколоном не запахнет. Не имеет он права так говорить... Это же не товарищески, свинья он лохматая...

Вася робко постучал. Еще раз Никто не ответил.

— Фу, — облегченно вздохнул Вася, — нет его дома...

Он вошел в висмутовскую комнату, зажег свет, огляделся по сторонам и удивленно засопел. Около висмутовской кровати стоял большой букет цветов.

— Цветы, — процедил сквозь зубы Вася, — так, так...

Здорово...

На столе лежал развернутый томик Блока, а из книжки высовывался узенький клочок бумаги, на которой висмутовским почерком были написаны четыре строки:

„Когда с тобою мы встречались,

С тобой вдвоём

Природою мы любовались...

Шикарным днем“...

— Так, — испуганно прошептал Вася, — стихи, значит, пишет...

Он осторожно положил книгу на место и задел рукой какой-то зеленый флакончик, на флакончике значилось: „Красный мак“.

— Ах, вот как! — вспыхнула в Васе теоретически необоснованная радость. — Висмутище ты мой... Дорогой мой... И ты, значит...

Он вытащил из кармана блок-нот, вырвал листок и торопливо написал, хитро улыбаясь:

„Был у тебя. Заходил за Плехановым. Прорабатываю второй том.

Смотри, Шурка, не скатывайся: одеколон да стишки с цветочками — это, брат, не для нас. В. Колобаев“.

И через две минуты Вася уже бежал к лизиному дому, сшибая по дороге какую-то кадку у ворот.

В окне у Лизы был свет.

— Не спит еще... Милая моя... Лизынька...

Он лихо взбежал по лестнице, поправил волосы и тихо постучал.

— Войдите, — ответил странно знакомый мужской голос.

Вася открыл дверь и сразу заметил, что у Лизы на свободе была только одна рука. Другая упорно покоилась на плече Шурки Висмута.

— А я к тебе того... — беззвучно прошептал Вася, — к тебе, Висмут, заходил... За этим... за Плехановым... Ну, я того... пошел...

— А то посиди, — равнодушно предложила Лиза, — а мы тут с Шуркой стихи читаем... Послушаешь... Может, чаю хочешь?

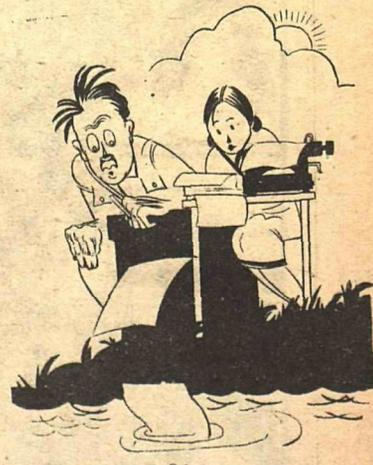
Через час Вася шел вместе с Висмутовым домой, и Висмут, весело потряхивая шевелюрой, бубнил молодым баском:

— А я к тебе, Васька, зайти хотел посоветоваться. Нравится мне эта девушка... Не сухарь какой-нибудь, вроде Пыриной... Тонкая девушка, женственная... Ты у нас парень твердый, подкованный, ты все понимать должен, так одобряешь мой выбор, а? Молчишь? Не осуждаешь, значит? Спасибо, парнишка?

И он с чувством пожал дрожащую васину руку.

Арк. Бухов.

В. М.

— Сколько директив пустили, — не клюет, подлая.

(Из писем комсомольцев-колхозников о том, как иногда их вербуют райкомы на периферию)

ПУСТЬ рассказ не блещет новью,
но поведаем о том,
как на шахте в Подмосквье
вербовал ребят райком, —
нужно выполнить приказ
ровно через час!
Я не прочь, пожалуй, ехать
в Казакстан, в Сибирь, в Донбасс,
но скажите толком мне хоть
про вербовку без приказа:
что, зачем, кому я нужен,
объясните вашу цель,
получу ль обед и ужин,
клуб, газету и постель?
Я же выполню приказ
ровно через час.
Как-то в „Малые Усольцы“
прислан экстренный приказ:
срочно 200 комсомольцев
выслать требуют от нас, —
нужно выполнить приказ
ровно через час.
И райкомовский работник,
выполняя в срок заказ,
заготовил нас две сотни...
ровно через час!..
Словно лист перед травой,
ничего не говоря,

мы явились всей братвою
пред глаза секретаря, —
нужно ж выполнить приказ
ровно через час.
Речью бросил Балаболцев
зажигательный призыв,
что должны-де комсомольцы
срочно ехать на прорыв, —
нужно выполнить приказ
ровно через час!
Плохо поняли мы что-то, —
а куда ж лежит наш путь?
То ли едем на болото,
аль еще куда-нибудь?
Выполняем же приказ
ровно через час.
Мы стояли с нервной дрожью,
разрешая мысль одну:
может, едем в Криворожье,
может... даже на войну?
Выполняем же приказ
ровно через час.
Молча мы друг к другу жались,
Ах, куда отправят нас?..
знать в райкоме набирались
штаты тоже ровно в час!

С. Дорофеев.

К. Елисеев

ВСЕГДА ГОТОВ

НЕ ВСЕГДА ГОТОВ

ВИЛЫ В БОН

РАДИО, РАДИО...

Минская газета „Рабочий“ в № 142 поместила объявление:

МЕЖРАЙКОНТОРЕ
ТРЕБУЕТСЯ
КАССИР-КОНДЕНСАТОР

Кто же редактирует газету: редактор-„усилитель“, „коротковолновик“, „громкоговоритель“ или „четырёхламповый приемник“?

ЗВОН БУБЕНЦОВ

Комсомольская ячейка № 1 Шиповского мясосовхоза № 18 на общем собрании торжественно постановила:

Провести воскресник по рытью ямы для силоса силами ячейки.

В день воскресника пожарный колокол звонил безустали, сзывая

комсомольцев. Из 40 членов ячейки явилось только 6 человек. Пожарный колокол можно принять в ячейку, — хорошо работает, а 34 комсомольца для чего? Так, „на всякий пожарный случай“. Колокол заменил комсомольцев — он работал, комсомольцы заменили колокол — они звонили.

ПОДПИСАНО — И С ПЛЕЧ ДОЛОЙ

Помощник по труду кирпичного завода № 9 при ст. Россошь, Ю.-В. ж. д., Делягин — человек высокой изобретательности и находчивости.

На заводе нехватает лошадей, так он придумал оригинальный выход из этого положения: в служебном распоряжении Делягин пишет:

„Граждане Бахтарев и Федоров зачисляются на работу в цех при транспорте в качестве лошади.“
Директор Делягин.

А тамбовский битюг вместо директора пусть продолжает бумажки копытом подписывать.

БОЙКИЙ ОТВЕТЧИК

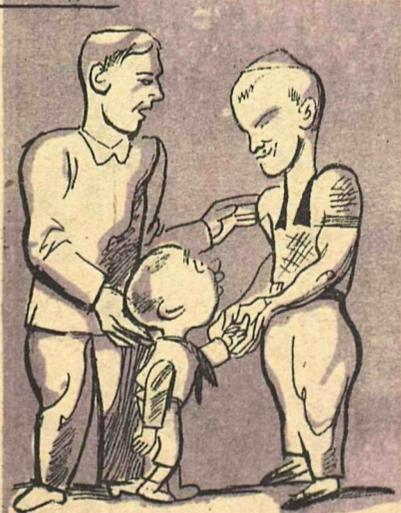
Райпрокурор Скрипников разъяснял колхозника села Клястинского (Уральская область) значение революционной законности. На вопрос колхозника, как поступать в тех случаях, когда колхозникам выдают хлеб плохого качества, райпрокурор ответил:

— Этим хлебом бейте морду председателю правления колхоза тов. Иващенко.

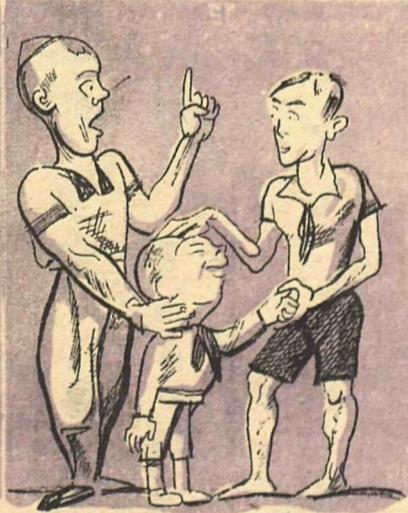
А как фамилия этого Скрипникова? Не Сивольник-Дмухановский, который горюничим в „Ревизоре“?

О НЕМ ИНОГДА ЗАБЫВАЮТ

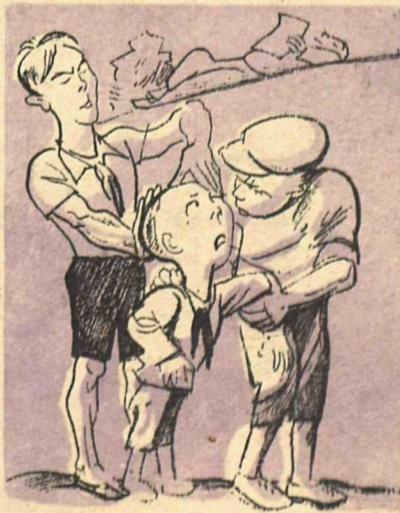
А. Радаков

— Вот, дружисе, — сказал партиец комсомольцу, — поручаю тебе пионера. Воспитай его в коммунистическом духе.

— Поручаю тебе этого малютку, — сообщил комсомольцу вожатому, — подзаймись с ним, милый. Я занят более важными делами.

Вожатый оказался мужчиной весьма занятым и перестал верить дитя пионеру старшего возраста. — Присмотри за ним малость. А у меня тут дельце есть, насчет кроликов.

— Я ухажу, — сказал старший младшему, — занят Семейные дела. То да се. А что б ты не скучал, вот тебе Жучка, поиграй с ней. Она добрая. И потом у нее много свободного времени.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, А. Ингицкий.

Зав. редакцией И. Абрамский

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва, Изд. № 904.

Сдача текста и рисунков — 26/VIII.

Подпись и печать — 8/IX

Статформат А9 — 220 × 333. Печатных листов 2. Количество знаков 65 000

Уполномоченный Главлита № В — 10222

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суцеский пал. 49.

Вак. № 2130. Тираж 500.000 экз.

42
24/IX

№ 5180 ✓

КРОКОДИЛ

М. Черемных

СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ

АРХИВ
218 СЕН 1932
Г. Ц. Н. П.

ПРЕДЕЛ ЕГО ДЕРЗАНИЙ

ГОЛОС ИЗ ОКНА: — Куда? Зачем? К чему этот беспочвенный риск? Я и сам люблю дерзать, но не выше четвертого этажа.